

Иван Клиновой

Латте-арт

книга стихов

2008–2013

Красноярск

2014

ББК 84 (2Рос=Рус)

К 493

За латте-арт, уют и вдохновение
автор благодарит любимую кофейню
Traveler's Coffee на Карла Маркса, 135
и лично Татьяну Гаврилову.

За бурную деятельность,
наполеоновские планы и погоду в доме
автор благодарит КГБУК «Дом искусств»
и лично Татьяну Шнар.

За многое другое—
многих других, явно и неявно
повлиявших на выход этой книги.

Книга распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0

© ⓘ И. Клиновой, стихи, 2014

© ⓘ А. Минакова, рисунки, 2014

1

ПЕНА

Шумит кофейня, словно стая чаек,
Случайные прохожие в окне
Мелькают, ничего не замечая:
Спешить сегодня, как всегда, в цене.

А я люблю от суеты и спешки
Сбежать за кружку латте на часок.
И в Красноярске нет другой кафешки,
Где был бы я так чудно одинок:

Порой сажу, и в плеер—с головою.
Бариста кофе так наволхвовал,
Что город со своею суетою
Проглядывает лишь едва-едва.

И музыка, которой полон плеер,
И латте, полный пепла и огня,
И сигарета, что тихонько тлеет,—
От суеты отгородят меня.

6 ДИПТИХ

1.

Бариста, нарисуй мне профиль той,
Чьё лёгкое осеннее пальто
Мне чудится за каждым поворотом,
Чтоб он смотрелся в кружке как влитой,
Но не был бы стреноженным скриншотом.

Ты можешь. Я ведь знаю, что твоим
Рукам подвластны молоко и кофе.
И мир, что прежде был нераздвоим,
Запнётся, дрогнет зеркалом кривым,
И через столик отразится профиль.

Бариста, нарисуй мне тишину,
Подробную, как опись экспонатов, —
За кружкой кофе подожду весну,
Которая случится же когда-то...

Бариста, нарисуй мне белый свет,
В квадрат окна входящий осторожно, —
Я подожду, расслаблен и раздет,
Насколько это по зиме возможно...

Бариста, нарисуй мне профиль той,
Которую я жду и днём, и летом;
Которая прельстится тишиной
В довесок к бесполезному поэту;
Которую не знаю наперёд,
Чтоб я её в толпе не проворонил...

Бариста улыбнётся и кивнёт,
И белый свет скользнёт ко мне в ладони.

Е. Ш.

Ничем не отличается уют от бардака,
И сердце замуровано в аквариум балкона,
С которого доступны река и облака,
Налитые в стакан пространства под наклоном.

Река и облака, пьянящие слегка,—
Как два черновика на фоне пеплопада
Нашёптанного мной несложного стишка
О смехе и слезах сквозь человека рядом.

К. Р.

...и целого мира мало,
и целой квартиры много.
За шторой спрятан кактус,
а лилии—напоказ.
И вроде—звенят бокалы,
и вроде—своя дорога,
и вроде—не жизнь, а сказка,
но как-то не в этот раз.

Ружьишко в последнем акте
стреляться уже устало,
но девочка-хулиганка,
под ложечкою—алмаз,
напишет тебе вконтакте,
что целого мира мало,
и будет молчать шарманка
о том, кого ты не спас.

В её руках— приборчик тишины.
В его руках— лишь сполохи бессилья.
Они не знают за собой вины.
Вину за них признает камарилья.

В её лопатках— дрожь больших высот.
В его поджилках— дрожь водобоязни.
Им хочется весь мир наоборот,
Но их наоборот— внезапно— разный.

В её глазах— предвосхищенье слов.
В его губах— предощущенье жажды.
Они уснули вместе не однажды,
Но не смогли увидеть общих снов.

И эта боль проходит сквозь него,
Как смысл сквозь слаганье оригами.
Его ладони прорастут травой.
Её ладони прорастут цветами.

Её лицо чуть-чуть напоминало
Луну с другой, обратной, стороны.
Я уезжал с Казанского вокзала,
Не чувствуя ни капельки вины.

В пустых карманах не потели руки.
Тень от скамейки медленно текла.
В помойке рылись две худые суки.
Она курила нервно и ждала.

Всё было так спокойно, безмятежно,
И суетой не поражал вокзал.
Она любила тихо и прилежно,
Я—вольно и невольно—обижал.

Но через города, леса и реки
Меня тянуло к дому. Чёрт возьми,
Мы не были настолько человеки,
Насколько были сущими людьми!

Он о ней не думает, не пишет
Электронных писем в пустоту.
Дождь стучит по крыше и не слышно,
Как слова собачатся во рту.

Он оставил у неё на полке
Полкило своих горячих рук,
И, в стогу дождя найдя иголку,
На себя растрчивает звук.

Он оброс ракушками и скукой,
Шепчет мантру «скоро жизнь пройдёт»,
Спать ложится с верною эльбукой,
Предсказав сюжетный поворот.

Всё ещё отдельный и стерильный,
Как пять пальцев, выучив тюрьму
И найдя единственный рубильник,
Рубит свет и падает во тьму.

Он похож на дворовых псов,
Что обнюхивают помойку:
На любую глупость готов,
И, конечно, делает стойку
На цепочку её следов.

Он уже забывает слов
Ароматы и хороводы.
Он — молчальник и птицелов.
У него дофига свободы.
Вот хоть с чем-то да повезло.

Но кому — его горький дым,
Лицедейство и лицеедство?
Довести бы всё до беды!
Он не знает другого средства,
Чтоб не чуют её следы.

Задам вопрос (возможно, что и глупый):

Вы пробовали бабочку на вкус?

Я пробовал, ведь это были губы

В пыльце помады, в искрах «я боюсь».

Они так трепетали, как от боли,

А поцелуй был, как янтарный ад.

Их будто бы живыми прикололи

К лицу булавкой, словно экспонат.

И падал снег, шатаясь, как поддатый,

Свет фонарей, как шарфик, теребя,

А дворник с деревянной лопатой,

Наверно, улыбался про себя.

Поцелуем в солнечное сплетение
выключая свет и включая звук,
потому что новое вдохновение —
это лишь продолжение зрячих рук,
я рифмую «ласточки» и «лопатки»,
а «ключицы» — «веточки тонких верб»,
и соски — кусочками шоколадки
тают на языке у меня. И вверх —
по лодыжкам, икрам, коленкам, наживо
прирастая к телу травой, листвой,
я вжимаюсь в рифму движенья нашего
и на краткий миг становлюсь тобой.

16   л у н н ы й   л у ч

Обоюдоострый лунный луч
Между нами, словно меч Тристана.
Ветер заунывен и тягуч
Из равелевского каравана.
Телевизор не шипит, ему
Кнопка «off» — немножко харакири.
Полутишину и полутьму
Мы с тобою делим на четыре.
На четыре глаза и руки,
На четыре вдоха и удара
Четырёх сердец — не вопреки
Докторам, а в утоление жара
Наших тел, которые малы
Для желанья... Замер неподвижно
Лунный луч на краешке скулы,
Вдоль соска и ниже, ниже, ниже...

Держа тебя на острие руки
И проверяя на разрыв шаблона,
Я знаю: мы беспочвенно близки,
Нет над тобою власти Завулона.

Но оттого, что не заземлены,
Ты бьёшься подо мною, как под током,
И шторы, словно парус одинокий
Белевшие,—краснеют, смущены...

...и босоножки а-ля Спарта спят,
И платье обнимает подоконник,
А ты ещё—вся, с головы до пят,—
Дрожишь под намагниченной ладонью.

Здесь правят мускус и тоска,
Здесь тело вне лекал и правил,
И невесомая рука
Скользит магнитом от виска
На расстоянии октавы.

Ключица тут, запястье там...
Что станет лучшим камертоном,
Не сможет подсказать никто нам,
Ведь время, разойдясь по швам,
Вмещает больше ласк и стонов.

Когда же замер наверху,
Лодыжки, икры и колени,
Тоской наполненные всклень, и
Вот эти косточки в паху—
Что может быть ещё нетленней?

И всё, что нам даёт кровать,
Должно бы, вроде, улыбаться,
Но мне покалывает пальцы
Тоска по тем, с кем мало спать,
А хочется и просыпаться.

к какой-то там по счёту

Когда ты вздрогнешь и расплачешься,
Я буду мёртвый и живой.
Я не умею: раз и начисто,
Пишу поверх, за слоем слой.

Я помню первую и пятую.
Я буду помнить и тебя:
И нежностью сочась проклятою,
И дикорощенно грубя,

И даже если без движения
Молчать на смятой простыне...
Главой, абзацем, предложением,
Но ты останешься во мне.

Выдернуть с корнями, словно комель,
Сердце из распаханной груди.
Позвонить какой-нибудь знакомой:
«Если хочешь секса, приходи!»

А придёт — оттрахать так, чтоб в теле
Звон стоял, прозрачней хрусталя,
Чтоб живого места на постели
Не было и чтоб в слезах, скуля,

Грызла пропотевшую подушку,
Словно в той зашита смерть моя,
Чтобы со спины снимали стружку
Ноготков жужжащих острия.

И прогнать, и не жалеть ни йоты
(потаскушек нынче пруд пруди),
И бычками заполнять пустоты
В быстро остывающей груди.

1/2

ГОРЕЧЬ

...поэты уходят в рыцари чёрного ёрничества.

Андрей Вознесенский

Сбыча мечт превращается в сбычу нечт.
Это всё, чему я научился у dolce vita,
Потому корыто моё разбито, и мне обидно,
Что её ладони моих не коснутся плеч.

Только это не повод устраивать тут концерт.
Всё равно другая ко мне прибежит на цырлах,
Поскворчит и ляжет, раздвинется, точно циркуль,
И моя тоска сконцентрируется в конце.

А ведь если б кто-то рядом со мною лёг
Не на тему секса, но нежности не отринув,
Лунный луч Тристана приняв за её доктрину,
Может, я и не был бы одинок.

Впрочем, нет. Я мрачен, жесток и сложен:
В нотной грамоте нет подходящего мне ключа,
А мои остроты черствее того меча.
Рыцарь чёрного ёрничества. И всё же,

От разлук намеренных и от случайных встреч—
То ли dolce vita, то ли не dolce,
Только я всё равно, точно ёж, игольчат,
И, в конце концов, сяду за сбычу мечт.

Тёплый звук папиллярных узоров
И глубокое эхо пупка,
Чтоб шаблон— по наклонной разорван,
Чтоб фарватера мимо— строка!

Где у девочки кнопочка «выкл»,
Чтобы навзничь— в подвздошьё— ничком,
Чтоб она никогда не привыкла,
Чтоб она не нуждалась ни в ком?

Чтобы все эсэмэски и титры,
И проглоченные якоря,
И лопатки— горячим пюпитром
Для звучащих ладоней,— не зря!

Да, любая кровать— пепелище,
Да, любая «она»— подойдёт,
Но зачем-то же тычешься, ищешь
Лишь вчерне обозначенный брод,

Ведь ни пясти, ни даже ключицы
Не рассчитаны на тишину,
От которой так страшно молчит
И никак невозможно уснуть.

У меня всё меньше воспоминаний
О тебе, о тех обалденных днях,
Когда мы с тобою балду пинали
На балконе, в ванной, на простынях.

Иногда мне что-то в башку приходит.
Скажем, лес, где мы признавались в том,
Что любовь, как старенький парходик, —
Нам с тобою больно своим винтом.

Или тот фонтан, что давно заброшен,
Опочивший мирно, забывший течь,
И роса, как сотни холодных крошек,
Как сестрички звёзд, если навзничь лечь.

Все детали эти, как синхронистки,
Выставляя руки, идут на дно:
Не проверить их на разрыв мениска,
Как в цепной реакции — домино.

От тебя останутся лишь записки.
Выцветает плёнка. Тапёр — в говно.

Начинался, как Иствудом вестерн,
и, как Холмсом затролленный Ватсон,
любопытствовал в сотни отверстий,
и не знал, что уметь волноваться

станет самым полезным умением,
привлекающим тонны вниманья
даже к смятой и брошенной тени,
но, увы, не добавит мне money.

Грыз гранит, измеряя в каратах
вес того, что ещё не воспето,
и дорожка пошла кривовато —
кардиоидой горе-поэта.

А перила в подъезд мирозданья
обвивали чужие растенья,
и дурацкая скромность тристанья
не давала оставить на стенах

ни штриха от зудящих граффити
(мне казалось, что этой планете
не хватает виньеточки в виде
октопода на велосипеде).

Но я с собственным сердцем судился
и, в конце-то концов, с ним развёлся:
словно на́ пол упавшая гильза,
из меня вышла ржавая польза.

Болью вскрыт, как консервная банка,
и внутри—ни слезинки ребёнка,
я готовился выстрелить в Данко,
но внезапно закончилась плёнка.

Я остался вне света софитов:
не софт-тачев, не глянецв, не матов.

За вершину словесности выдав
горстку обезображенных матов,

я бы мог продолжаться и длиться,
под чужими софитами греться,
всё воздушнее с каждой страницей—
вхолостую накручивать герцы.

Но на кой мне такие концерты,
если Данко—живой, а я—мёртвый?!
Так что лучше—подальше от центра,
от экватора и от аорты—

28   стать колоссом на денатурате,
как тэ-тыща на жидком азоте,
неподвластным любви и гранате,
но подвергнутым подлой гарроте;

чтобы рифмы сквозь поры сочились,
чтобы те, кто стихам причащались,
всё глотали бы яростный чили
вперемешку с лимоном печали;

чтоб стихи зазвучали с эстрады,
чтобы тыкали пальцем в юрода,
маркачэпмэна и герострата,
через бред не нашедшего брода.

Плеер что-то хрипит простуженно.
Не работает больше защита Лужина.
Мир вокруг становится кружевом,
Как стекло в руках стеклодува.
И не знаю: где я, где мой допельгангер...
То ли вот сижу и смотрю экранки,
То ль обнял унитаз на какой-то пьянке,
То ли падаю с энного этажа...

А красóты мира... Ну что красóты?
Я— дитя какой-то иной свободы.
Вещи вокруг бесполы или бесплотны.
И не делайте из меня космонавта!
Невесомость— грех в этом тяжком мире.
Уточню: в отдельно взятой квартире.
Я готов отсюда на все четыре,
Оседлав какое-нибудь ядро!

Вы готовы делиться со мной науками,
Обрастать предметами или внуками.
Мне нельзя. Я же всё профукаю,
Прокучу, промотаю. И очень быстро.
Эти ваши сумерки непрестижности,
Похоронно-тяжёлые глыбы надёжности...
Впрочем, есть якоря невозможной нежности.
Вот они-то и держат меня пока.

Будешь зол, и голоден, и бесстрашен.
Так звенит хрусталь и хрипит винил.
А когда двенадцать пробьёт на башне,
Как подброшенный, рухнешь под смех светил
И узнаешь, что означало «наши»
В той шарманке, что Цой крутил.

Будешь петь, заикаться, шуршать и плакать,
Забывать «на горе... ре... ре... земле»,
О чём знал до одиннадцатого знака
И стоял, уверенный, на крыле.
Это после — будешь посажен на кол
И кормить голубей с колен.

* * *

31

Когда тебя потребуют к ответу,
Идёшь на сцену, будто на амвон,
Держа в руках дрожащую мулету
И, как strapon, сжимая микрофон.

А под ногами—целая планета.
Прыжок со сцены и—по головам.
И лампочки, беременные светом,
Трещат по швам.

...падучий танец...

Сергей Цветков

Спальня, красная от штор.

В ней беспальный человек

Затекает разговор

С тем, кем страшно покалечен:

«Мой танцпол—мой пьедестал.

Но не в танце-обжиманце—

Я все пальцы разбросал,

Словно Витт, святой брейкдансер.

Быстрый скальпель-стробоскоп

Режет, режет, режет, режет...

Рот мой сдвинулся на лоб,

Издаёт лишь треск и скрежет.

Изойдя монтажной пеной,

Громко корчусь на полу.

Боже неприкосновенный,

Чем я это всё заслу...»

Разговора нет как нет.

Есть обрубок монолога.

Смотрит бог на этот бред,

И мутнеют очи бога:

Ожил паучок в мозгу,

Пробежал по всем аксонам,

И ударился в загул
Мозг, божественный исконно.
Мысль внезапна, как икота:
«Что ж я маленьким не сдох?!»
Выпадает из киота
И в падучей бьётся бог.

В красной спальне пух подушки
Всё облапил, словно мох,
И лежат, как две игрушки,
Человек и рядом—бог.

Мне в затылок вошла звезда,
Как в сугроб воткнули окурок.
Говорил же себе: «Придурок,
Ну, куда ты полез, куда?!»

И, казалось бы, ерунда,
Нет фантомнее этой боли,
Но, как бабочку, прикололи:
Ни туда теперь, ни сюда.

Так и корчишься, провода
Оголённые закусивши,
Прогоревший, почти остывший,
И в затылке шипит звезда.

Я выдернул стекло и шнур сдавил
В оскаленных, от крови липких пальцах
С одним желаньем— задушить водил
С улыбочкой, как у Кристофа Вальца.

А подо мной хрустело и текло.
Чафан сигналов, топота и гвалта.
Здоровую рукою, как веслом,
Я загребал по влажному асфальту.

Схватили. Повернули. Крик «Врача!»
В виньетках инстаграма мирозданье.
И, что-то нецензурное мыча,
Я шнур сжимал, чтоб не терять сознание.

Вот и лопнула лампочка Данко,
И шарманка надсадно хрипит.
Пристрелить бы, наверно, подранка,
Да мешает шершавый петит,
Что под пальцы бросается храбро,
Словно завтра кончается речь,
То есть жизнь. Но шарманка ослабла,
И сыграть — недостаточно свеч.
И темно. И хрустит под ногами.
И теперь можно только гадать
На бессмертных цветах-оригами:
Добивать или не добивать?

Не обездвижен, но обесточен.
Мозг разрывается парой строчек.
Сердце распялено, как елец,
Спичками боли, бесстрастно точной.
Это почти конец.

Взвинчен, скручен в спираль тугую.
Пальцы сложу в пистолет, к виску, и
Снова осечка, в четвёртый раз:
То ли стреляюсь не по фэншую,
То ли опять кто спас.

ВЕСНА. РАССВЕТ

38 Эта ночь, как битум. Голимый ритм
Остаётся тем, кто, как я, разбитым,
Искалеченным, вляпался в эту ночь.
Я смотрелся бы кларковским монолитом,
Если город бы кто-нибудь обесточил,
Но я знаю столько прекрасных строчек,
Что никто не в силах уже помочь.

И нельзя ни телом упасть, ни мелом
Обвести себя, чтобы кто-то вдруг
Не сказал: «Тебе-то какое дело
До других смотрящихся в парабеллум?!
Не спасёт, а только спасует круг».

И стоим, упёршись друг в друга лбами,
И пространство скомкано в оригами;
Саундтрек заскробблен на ласт.фм;
Между нами втиснутое цунами,
Корча скорбный смайлик, захочет к маме,
Потому что смайлик-то—Полифем.

Эта ночь—арена, хотя не цирк.
В ней давным-давно не хватает зирок,
Но зато полно в хромакее дырок,
Сквозь которые хочется зырк да зырк.
Я бы мог ещё накопать придирок,
Только я и так уже, как придурок,
Битый час бодаю стеклопакет,
Жду, пока покроются партитурой
За окном деревья. Весна. Рассвет.

Это не жизнь—испорченная пластинка.
Только шуршать и плакать, пока живой.
Тенью в окне, как в пьесе у Метерлинка,—
Каждую ночь, пока не порос травой.

Это не жизнь—один бесконечный пазл.
Складывать, складывать, складывать без конца,
Словно тебя кто-то всевышний сглазил,
Но простоты не хватило на смертного хитреца.

Жизнь или нет, но спавший за всех—проснётся,
Выдохнет бабочку, высморкнет слизняка,
Вытащит из-под ложечки скрюченного уродца
И в кулаке раздавит наверняка.

Размазать боевым окрасом
Полста белянок по лицу,
Не чтобы пальцами—пыльцу,
А чтобы сквозь пыльцу—сарказм;

Кукушку выжать над пюпитром,
Семь соловьёв и двух дроздов,
Чтоб нотных закорючек хитрых—
На сотню свеженьких листов;

Распотрошить сирень и впиться
В ствол клёна, вывернуть ольху,
Чтоб на пустующих страницах
Осточернело по стиху,

Чтоб сердце мёртвою медузой
Впиталось в треснувший асфальт,
Не выдержав таких нагрузок,
Какие выдержит строфа;

И чтоб, спасая ваши души,
Ни запятою не солгав,
Свою—безжалостно разрушить
И закопать, как томагавк.

Вросши в страну, от которой и жить не хочется,
Вечно спешу, как синхронная переводчица,
А всё равно без отечества и без отчества—
Можете звать меня попросту Плэй Репит.
Я одинаков—в бешенстве или нежности.
Всё, за что я держусь,— у меня в промежности.
Бросьте уже пенять! Это мне ж нести
Крест, на котором будет биллборд прибит.

Все, кого я касаюсь, ржавеют заживо.
Только и успеваю сказать «куда же вы?»,
Как под руками каша, труха и крошево.
Сдачей с людей вокабуляр набит.
В калейдоскопе невест, женихов и рожениц
Единственный здесь, похоже, кто рожей ниц,
И остаётся, как фуре, лететь порожним вниз.
«Play» — это в прошлом, время нажать «Repeat».

Вывернув комель очередного вечера,
в ночь проскальзываю незамеченным
и сижую, затаившись, перед экраном
то стеклянным, то деревянным.

Ночь, в которую открывается форточка,
вся урчит кошачьим таким приборчиком.
У неё под боком тепло и смертненько,
но она пока терпит меня, соперника.

Я боюсь, поскользнувшись, скатиться с глобуса
и упасть на конвейер из ленты Мёбиуса,
где меня распялят, как лягушонка,
и затем покрошат в лапсанг сушонг.

Мозг, утомлённый такими играми,
уже ни на что не реагирует,
кроме «Курары», «Собак Качалова»,
не имеющих ни конца, ни начала.

Купировав сны и резко обрезав космы,
Посыпанный пеплом, высываюсь я в космос
В бессистемных поисках искренности, наива;
На время эфира я становлюсь антенной,
И шевелить чем-то, помимо мыслей и члена,
Становится безвозвратно лениво.

Жизнь отползает, раненная в промежность.
Под сердцем уроборосом свернулись ярость и нежность.
В окаменевших лёгких воздуху не хватает места.
Снизу кто-то неважный ступает по́ снегу,
Как по воде, стреноженной для агностика.
И космос больше не полная заноз бездна,

А просто кусочек будущего продолженного,
В котором волшебник спрятал своё мороженое,
И можно считать его неизбежным холодным злом.
Но я уже не барахтаюсь, перестав стремиться
Наружу. Я—медленный самоубийца.
И вакуум в горле—как проглоченный лом.

Живу обнищавший болью,
В чернильницу кровь цежу
И, пятки прижав к прибою,
Я жалуясь миражу:

«Моё золотое сердце
Упало в цене на треть.
Надыбать единоверцев
Могу ведь и не успеть.

Мне кто-то так дышит в спину,
Что страшно топтать цветы,
По скользкому Эсквину
Спускаясь на зов мечты.

Ты вроде бы неподвижен,
Но движешься изнутри
К невидимому Парижу
По ниточке попури,

А я неподвижен навзничь,
Амёба и та живей,
Мне светит не вечный праздник,
А попусту суховой».

Но жалобы вязнут втуне,
И ложью заросший Брут
Обронит «вас здесь не ждут»
И что-нибудь в спину сунет.

Куришь всё больше, выдавливая из себя бессмертие.
Сам с собою ведёшь сумасшедшие диалоги.
Записываешь их, вкладываешь в конвертики,
Делаешь самолётики и посылаешь богу,
В которого веришь меньше, чем в свою левую ногу.

Стихотворяще злой, пускаешься в некоторые тяжкие.
Много ходишь пешком, восполняя недостаток секса.
Наплевав на шёпот из кошелька, купаешь себе вкусняшки
И съедаешь, глядя киношку, где кто-то дерзкий
Надирает задницу злу, асталавистит веско.

Обезденежев, снова ходишь пешком, уже безотносительно—
Есть ли секс, нет ли. И градусник в горле крепнет
От высказанного и невысказанного родителями,
Которые любят, конечно, но, кажется, еле терпят
Такое равнодушие к собственному черепу.

И когда давление наконец-то зашкаливает,
Энерджайзер кончается, но ты не Челиос, чтобы —клеммы,
Когда теряешь грань между «правильно» и «неправильно»,
Овеществляешь въевшуюся суицидему:
Нет человека—нет проблемы.

Побреешься и выглядишь моложе.
Затянешься — курение вредит.
А по усталой, неликвидной роже
Всё так же видно, что живёшь в кредит.

Вот выступишь под модным ныне грифом
«Top secret» и срываешься на крик.
А по унылым, выморочным рифмам
Всё так же видно — впереди тупик.

Над пропастью во рже взглядишься в бездну,
Как в зеркало, и — ап! — сверхчеловек.
А по рябой истории болезни
Потом увидят финишный разбег.

Якоря, якоря... Впереди целый год океана.
Надо ждать, надо плыть, надо вёслами шибче грести.
Удержат загребущую бурю в границах стакана:
Самому не спастись, так хотя бы кого-то спасти.

Эти вёсла не крылья, они слишком пасмурно весят.
Переправа такая, что не поменяешь коней.
Буду медленно плыть, за неделю старея на месяц,
И вдаваться в подробности будет сложнее и сложнее,

Ибо память имеет привычку питаться живыми,
Ибо я не Харон, чтобы помнить про каждый медяк,
Ибо даже душа сигареты останется в дыме,
А со мной обязательно что-нибудь станет не так.

Наушником он к плееру прикован
И кормит с рук дрожащий телефон.
В нём больше нет разбега и разгона,
Он медленно дрейфует, как планктон.

В нём больше нет и, видимо, не будет
Ни радуги, ни шевотных стрижей.
Он уподоблен старой халабуде:
Ещё стоит, но ветхий и ничей.

В нём больше нет уверенности в завтра,
В нём насмерть поселилась тишина.
Он лишь немых вопросов гуглу автор,
И гугл не отвечает ни хрена.

Дрянной, дурацкий Коктебель!
Всю душу пемзой стёр, как пятки,
И помнишь странное: прокладки
В кабинках пляжных или складки
Холмистой местности (постель,
что смята ражим Дионисом).
А здесь, как прежде, город-дрель
Встречает карнавальным низом,
И ты, натаскан и обизнан,
Вращаешь эту карусель,
Творя по Коктебелю тризну.

Кубик разобрать на рубики,
Нотам лапки оборвать,
На глазах поджарой публики
Сесть и море горевать:
Вспоминать большие клавиши
Залежавшихся камней;
Ветер, пристальный и давящий,
И сбивающий с корней;
Пляжных зонтиков скелетики,
Что синеют ввечеру;
И забавные браслетики;
И что скоро я умру.

Тебя арестуют за счастье в общественном месте,
Засунут в какой-нибудь грустный, как дог, автозак,
И только сержантик, присутствовавший при аресте,
Стыдливо опустит глаза.

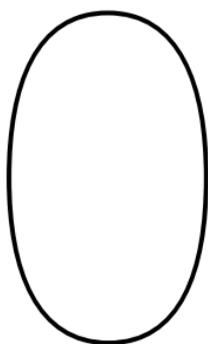
Тебя увезут не в СИЗО, а куда-то за город.
Поставят к мифической стенке и сделают залп.
И дождь беспрепятственно будет сыпаться за ворот,
И ты не закроешь глаза.

...а мне хотелось бы сгореть,
Хотя, конечно, похоронят.
Так вот она—тоска воронья
И невермора мрія-мреть.

Закрыв окно, задёрнув шторы,
Лежать и кровью истекать,
И никакому невермору—
Ни строчки из черновика.

И пусть потом зовут к поэту
Давно заезженных врачей:
Карету СМП, карету!
Полцарства за... за гранью дней.

И станет некому—по кóням,
И возбуждённый разговор
Уткнётся в тупичок «Покойник».
А дальше—только невермор.

ПОСЛЕВКУСИЕ

Сегодня я не тот, что завтра,
А завтра—хуже, чем вчера.
Я сам себе, и точка. Автор
Ушёл в себя, и до утра

Его никто не потревожит.
Он в собеседники возьмёт
Лишь дым, что сигаретой позже,
Да монитора жидкий лёд.

И жизнь со всеми мелочами—
Лишь только шум, лишь только фон—
Так отключается ночами
Его мобильный телефон,

Так автор завтра брови хмурит,
Но я не автор, я не тот,
Кто кофе пьёт, кто много курит
И до утра не доживёт.

Светает... По ведомству бреда
Проходят ночные стихи,
Хотя от дневной шелухи
В них нет ни гроша, ни соседа.

Но этим и страшен рассвет:
Он муку и музыку ночи,
Что вроде была между строчек,
Безжалостно сводит на нет.

И то, что казалось алмазом,
Блестящим у ночи в горсти,
Уже никого не прельстит
Самум, заходящий за разум.

Ни боже мой, ни бес порядка
Не стали во главу угла,
Пока исписанной тетрадкой
Та бабочка не умерла.

Пока она кружилась, пела
На самом кончике пера,
Казалось, не было предела,
Казалось, что этцетера—

Название медленного танца
На неизвестном языке,
И след ботинка на песке
Указывал на иностранца...

Она распятой и раздетой
Жила, и ей хватало сил:
Та бабочка не стала этой,
Пока не выпила чернил.

Двадцать первый стихок про Дзе...

Вера Полозкова

Сто двадцать первый стихок про Трэ, и кого это удивит?
Индивид закуривает и улыбается снежному барсу.
Вообще-то ему не свойственно улыбаться,
Но не всё же время делать серьёзный вид.

А внутри у него не он, как подсказывают дрожащий
Сигареты кончик и теребимый зазря смартфон.
Он за круглым столиком, словно герой Дефо,
И ему становится гірше быстрее, чем краще.

Но зато он может побыть не в себе — в другой:
Той, спящей меж столиков, или той — за кофемашиной...
И куда весь его мир не порос, как ряскою, матерщиной,
В плеере на повторе будет крутиться «Йена — Эксбой».

Это то немного летнее, но с горчинкой,
От чего он добрее, за что этот мир простит,
Если только сердце, смятое, как пластит,
Не разнесёт его клетку при счёте cinque.

По кровостоку между ровных строк
Стекает жизнь и капает на брюки,
Окурок превращается в курок,
А кулаки— и так уж каменюки.

Оглянешься... А нет, ещё живой,
Ещё из лёгких можно выжать воздух,
И ты всё тот же бережный подросток,
Хотя и с поседевшей головой.

Воспитанный дождями и «дождись»,
Я целый год не думал о грядущем
И не гадал ни на кофейной гуще,
Ни по полёту ласточек, стригущих
Травую порастающую мысль.

Я целый год не думал ни о ком,
Окурков не считал, не ведал горя
И в обморочно-тесном коридоре
С перекидным календарём не спорил,
Хотя и шёл четверг за четвергом.

Я говорил себе «дождусь... дождусь...»,
Но дни мои шнуровкою корсета
Тянулись от заката до рассвета,
И бьющаяся жилка интернета
Прощупывалась чётко, словно пульс.

Снег раздвигает границы мира.
Молишься ТЭЦ и чуть меньше — пледу.
Новый, горячий, из-под копира,
День остывает уже к обеду.

В луже ледок — можно даже бриться,
Глядя при этом в другую лужу.
Все, кто порхали в лоскутном ситце,
Предпочитают — хорьком наружу.

Если не верить, что свято место
Скользко и пусто, тогда всё просто:
Можно греметь человек-оркестром
И с высоты небольшого роста.

Если забыть, что твоя квартира —
Крепость, где стены себе дороже,
Снег раздвигает границы мира...
Или сужает, что тоже может.

Изголодавшись по большой воде,
Из ванной выйдя, снова слышу море:
Оно и за окном, и в коридоре,
Оно везде.

Его больничный воздух я готов
Вдыхать и час, и два, его придумав,
А в толще этих снежных каракумов
Нет ни китов,

Нет ни дельфинов, ни летучих рыб...
Но раковины сжатая пружина
Всегда заведена, непогрешима,
И корабли, что проплывают мимо
Меня в изгиб

Той раковины, тонут навсегда
В расплавленных объятьях Лорелеи.
Я кораблей, конечно, не смеею,
Но мне вода

Нужна, как никогда, как никому!
Найдётся сотня поводов для паник!
И только дом, как медленный титаник,
Плывёт во тьму...

Продышать окошко, взглянуть на градусник
И опять не увидеть ни риски радости,
Что хотя б на чуточку потеплело,
Ведь мороз не гейгер — вот так потрескивать,
Заставляя двигаться лишь отрезками,
Как слова меж клавишами пробела.

Всё равно тепло никуда не денется,
Не замёрзнет наживо красна девица,
И рубанком ветра всю стружку стешет
С нас (зимой — куркулей и лодырей),
Чтобы мы напозировались до одури
Для картины маем «Весна и те же».

Финал зимы, и всё в весеннем блеске.
Из красок в мире — серый, голубой.
А я опять борюсь с самим собой,
Чтоб — никому... Ни даже эсэмэски.

Но глядя в лужу, где одни помехи,
Я жду, что мне с обратной стороны
Вдруг улыбнётся та, кому нужны
Мои провалы больше, чем успехи.

И, номер наобум набрав и скомкав
Все мысли в пять-шесть-семь внезапных слов,
Шлю эсэмэску, будто незнакомке...

Но в лужу наступлю — круги... И громко:
«Не трогайте моих кругов!»

На станах веток ноты почек,
И пахнут музыкой стволы,
И обтекает одиночек
Толпа, стремясь во все углы,
И щебень птиц под каблуками,
И мошкары в кармане звень,
И можно Енисей руками,
А можно с головою в тень,
Всё заполошней и шустрее
Фонтана выпуклый зверёк...
Но тленье музыки не греет
Тех, кто в толпе, как островок.

Витрувианским человеком
Я вписан в круг, затем в квадрат.
В меня же вписаны аптека,
Ночь, улица, фонарь и ад.

Я сам себе и шнур бикфордов,
И ждущий искры динамит.
Спроси меня: «Какого чёрта?!»,
И взрыв тогда... не прогремит.

Спроси меня: «Да что такое?!
Куда тебя опять несёт?»,
Я буду вежлив, и спокоен,
И холоден — и вспомню всё
И внутривенно, и подкожно,
С черновика и наизусть...

Спроси меня: «Коснуться можно?»,
И вот тогда-то я взорвусь.

Есть сердца с магнитными ключами,
Для других—скрипичный поворот,
А моё—сырыми вечерами
Отпечатков пальцев чьих-то ждёт

И готово вспыхнуть Хиросимой
Или тихой лампой Ильича...
Нежностью, почти невыносимой,
Ядовита кровь и горяча.

Я свечусь, я радиоактивен—
Счётчик Гейгера сойдёт с ума.
Про меня и полиграф курсивом
Настрочил бы целые тома.

В именах могу я ошибаться.
В голосах я путаюсь кругом.
И вот только отпечатки пальцев—
Это навсегда...

Распутывать нежность, в которой запутался так,
Что гордиев узел в смущении курит в сторонке,
И сердце стреножить, а втайне мечтать о ребёнке,
Которого вырастить сложно, а сделать — пустяк.

Раскрыть одеяло, как будто конверт небывалый,
Себя как письмо положить, надписать ночником,
Отправить по адресу «В сны той, с кем я не знаком»,
А в собственных снах обживать в ожиданьи вокзалы.

И, с горечью пены попутав бессмертие слов,
В кофейне сидеть, упирая на дым сигаретный,
И ждать, что когда-то придёт мне конвертик ответный,
В котором не будет таких невозможных узлов.

А. П.

1.

Со скрипичного ключа начинается молчанье:
Пять пустых и параллельных никому и никогда.
Сigaretами и латте измеряя расстояние,
Я узнаю нужный вечер без особого труда.

И никто не проиграет ни в рулетку, ни в шарманку
Это длинное молчанье, раздвигающее нас
По углам широкой ночи, чтобы утром, спозаранку,
Мы отбросили две тени, как законченный рассказ.

Вот и первая нота вмурована в сердце минорное.
Что же дальше: мелодия или, увы, тишина?
Поминутно глядишь в телефон в ожидании номера,
За который не страшно испить чашу кофе до дна.

Но по пальцам себя бьёшь линейкой остывшего прошлого;
Сам себе, как собаке, командуешь стойку «умри!».
Вот же память настырна, хотя и скриншоты скукожены,
И в глубоком чулане смеркались давно снегири.

И поэтому вновь осторожен в словах и движениях,
Словно каждый твой шаг — это риск оступиться навзрыд.
Но тебя доконает когда-нибудь сердцекружение.
«Ноту...» — будет последний, уже не законченный твит.

Кофейной нужности минутки,
Кофейной нежности ми-нотки
Из рук волхвующей красотки
В моих руках—как незабудки.

Я вспоминаю их с улыбкой
И в то же время крайне робко:
Не дай бог совершить ошибку
И запихать не в ту коробку.

В чулане памяти углов-то
Полно и тёмных, и дремучих,
И там хранятся горы софта,
И маленькая кучка лучших

Скриншотов: тёплый бок маршрутки,
Таинственный чердак высотки,
Кофейной нужности минутки,
Кофейной нежности ми-нотки.

Маше и Алёне

1.

...а зрение— такое осязание слезами...

Мария Маркова

Если меня и спросят:

«Как тебе Коктебель?»,

Просто скажу, что осень

Я не любил досель.

Нравится быть солёным,

Вышедши из волны;

Лапать с балкона клёны

Под валуном луны;

Вмятинки от иголок;

Галька, как склад колен;

Жить, не касаясь пола;

Спать, не касаясь стен.

...и холодно становится за мной...

Мария Маркова

Полусырые ляжки
Лёгкого рюкзака,
Море в скалистой рамке,
Персика два куска.

Небо безобережно:
Сталкивает под ним
Коротко, но так нежно,
Как только может Крым,

Трёх человек, и дольки
Звона—не про запас.
Две воронные чёлки,
Как я теперь без вас?

Чужая радость так же, как своя...

Н. Заболоцкий

Загорелые глухонемые
Говорят, как на арфах играя:
«Мы живём с удовольствием, мы не
Умираем у кромки прибоя.
Пляжи окаменевшего грая
Понимают, что это такое».

Как из воздуха связанный свитер
Речь, казалось бы, речи лишённых.
Говорите же всласть, говорите,
Распускайте бутоны ладошек,
Как, наверное, могут лишь волны,
Но уж точно — ни бард, ни лотошник.

На прямой отсюда до Юрги—
Буераки, реки, раки, строки...
Только нету ни одной дороги,
Только нету ни одной руки,
По которым можно опознать
Человека, в гуще говоренья
Прочитать ему стихотворенья,
Словно на прощание обнять.

На прямой отсюда до беды—
Две тоски, четыре сигареты,
Всяческие мрачные приметы,
Кружка чайной жиденькой бурды,
Звёздный пирсинг в небесах ночных,
Жажда сна без права утоленья,
Этот черновик стихотворенья
И в финале—тишина под дых.

*Монументальные облака
как барельеф на закатном небе,
низком, мешающем запрокидывать
голову в поисках новых звёзд,
и равнина,
плоская, как ладонь,
так же изрезанная линиями
рек, речек, речушек...
Теперь я знаю, в какой земле
корни сталинской архитектуры.*

...а вот сегодня ночью облака
плывут так быстро, что чуть-чуть тревожно;
Луна вдруг выползает осторожно
и тут же тухнет, как моя рука,
которая держала сигарету,
которая писала строчку эту,
которая, бывает, у виска
изображает дуло пистолета,
но лучше бы держала горсть песка.

Не все из нас способны на героизм
жить в тишине особенного свойства
в широтах, где сужаются глаза.
Я не способен. Я хочу назад.

Здесь милый гид, с которым я, как в омут,
нырял в дома Свердлова, Спандаряна.
Здесь коротко тепло, но долго помнят.
Здесь не услышать россыпи фонтана.
Собаки здесь зашуганы, и та же
у них в глазах тоска Армагеддона,
которая сквозит в любом пейзаже,
когда не дома.

Не все из нас способны верить в чудо,
когда неизлечимая простуда
чужих краёв часта, как «боже мой».
Я не способен. Я хочу домой.

Фонари завтра высохнут и убегут на рассвете,
Словно стая котов за старушкой с селёдкой в руках.
До утра же по улицам влажно-блестящие дети
Будут рыскать, как в поисках нужного слова—строка,
И соперничать с ними возьмутся лишь беглые шины.
На подножной поэзии, как на подножном корму,
Я ещё поживу, ведь забориста смесь квенья и матерщины,
Я ещё поживу, из-под ложечки вынувши тьму,
Потому что за окнами некуда деться от бликов.
Город взмок, ожидая, когда я его подсеку.
Ну а я, запинаясь на каждом из рельсовых стыков,
Буду думать обратно, стекло прижимая к виску.

Ручкой, поднятой в Ачинске, эти написаны строчки
(кто-то, видно, спешил и её на крыльце обронил),
Так что мысль начинает движение от правильной точки,
И хватило бы только оставшихся в ручке чернил.

Впрочем, Ачинск имеет не так уж и много отличий
Ото всех городов, где я тоже ступал на перрон:
Водокачка, которой к речушке навечно привинчен,
Парк, по-зимнему голый, и Юго-Восточный район.

Города различаются теми, кого ты в них встретил,
И потом навсегда каждый связан с одним и одной...
Приезжаешь домой и спешишь отыскать в интернете,
Чтобы связь не распалась на звенья, но стала струной.

Так и Ачинск отныне приравнен к одной, раздающей
В фотовспышку спрессованный свет недрожащей рукой
(зазевался — и сразу же кадр, как пенальти, пропущен,
а ужимки твои уместились на флешке пустой).

Эта девушка будет мне сниться неделю-другую:
Уголками бровей упираться в прокуренный шарф
И заглядывать в кофе, которым опять я рискую,
Из-под пристальных вспышек в мир пристальных пальцев сбежав.

Эфемерность электронной переписки
Устанавливает новые законы:
Мы не помним, что писали нашим близким,
И далёким что писали, мы не помним.

Всемогущий интернет за семь печатей
Прячет в цифру заточаемое слово,
И куда бы ни писал ты—на Крещатик,
На Бродвей иль в городишко подмосковный,—

Всё останется в конвертиках незримых,
И никто не вскрыет письма после смерти,
Не узнает, что писалось о любимых
И какие на полях плясали черти...

Всё собранье сочинений—стопкой диски,
И никто потом не скажет: «Прочитайте
Том такой-то электронной переписки:
Там сквозит такая нежность в каждом байте!»

Старики—уходят, ты—жуть как жив,
И годишься им в мотыльки.
За тобою стоптаны миражи,
А за ними—лишь башмаки.

Но они прошли через много драк
За возможность всерьёз молчать,
А тебе достанется штурм-унд-дранг
С их плеча.

Сохрани мою память во всех, что ни есть, облаках!
Мы почти небожители, нам ли бояться паденья?
В кэше гугла хранится единственный маленький страх,
И когда-нибудь вскроются наши полночные бденья.

Но ещё не чирикнут последний, венчающий твит,
Но ещё наша речь в интернетах журчит, как живая...
И куда вай-фай над Землёй невозбранно разлит,
Сохрани мою память! Вдруг завтра не будет вай-фая.

1 ПЕНА

- «Шумит кофейня, словно стоя чайк...» 5
Диптих 6
«Ничем не отличается уют от бардака...» 8
«...и целого мира мало...» 9
«В её руках—приборчик тишины...» 10
«Её лицо чуть-чуть напоминало...» 11
«Он о ней не думает, не пишет...» 12
«Он похож на дворовых псов...» 13
«Задам вопрос (возможно, что и глупый)...» 14
Рифмы 15
Лунный луч 16
«Держа тебя на острие руки...» 17
«Здесь правят мускус и тоска...» 18
Палимпсест 19
«Выдернуть с корнями, словно комель...» 20

- «Сбыча мечт превращается в сбычу нечт...» 23
«Тёплый звук папиллярных узоров...» 24
«У меня всё меньше воспоминаний...» 25
Герострат 26
«Плеер что-то хрипит простуженно...» 29
«Будешь зол, и голоден, и бесстрашен...» 30
«Когда тебя потребуют к ответу...» 31
«Спальня, красная от штор...» 32
«Мне в затылок вошла звезда...» 34
«Я выдернул стекло и шнур сдавил...» 35
«Вот и лопнула лампочка Данко...» 36
«Не обездвижен, но обесточен...» 37
Весна. Рассвет 38
«Это не жизнь — испорченная пластинка...» 39
«Размазать боевым окрасом...» 40
«Вросши в страну...» 41
Лента Мёбиуса 42
Космос 43
Миражизнь 44
«Куришь всё больше...» 45
«Побреешься и выглядишь моложе...» 46
«Якоря, якоря...» 47
«Наушником он к плееру прикован...» 48
«Дрянной, дурацкий Коктебель!» 49
«Кубик разобрать на рубики...» 50
«Тебя арестуют за счастье...» 51
Мрія 52

- «Сегодня я не тот, что завтра...» 55
«Светает... По ведомству бреда...» 56
Та бабочка 57
«Сто двадцать первый стишок про Трэ...» 58
«По кровостоку между ровных строк...» 59
«Воспитанный дождями и «дождись»...» 60
«Снег раздвигает границы мира...» 61
«Изголодавшись по большой воде...» 62
«Продышать окошко...» 63
Моих кругов 64
«На станах веток ноты почек...» 65
«Витрувианским человеком...» 66
«Есть сердца с магнитными ключами...» 67
«Распутывать нежность...» 68
Кофейные ноты 69
Туда 72
«Загорелые глухонемые...» 74
«На прямой отсюда до Юрги...» 75
Туруханск 76
Абакан 78
Ачинск 79
«Эфемерность электронной переписки...» 80
«Старики—уходят, ты—жуть как жив...» 81
«Сохрани мою память...» 82

ИВАН КЛИНОВОЙ

vk.com/iklin

facebook.com/klinovoy

iklin.livejournal.com

twitter.com/ianmajolika

Иван Клиновой

ЛАТТЕ - АРТ

книга стихов

Редактор Сергей Арутюнов
Корректор Наталья Ковязина
Вёрстка Олег Наумов
Художник Анна Минакова

Подписано в печать 27.03.2014
Формат 70 × 108 1/32
Гарнитура Corbel
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинала
в типографии ИД «Класс Плюс»
Адрес: 66 00 48, г. Красноярск,
ул. Маерчака, д. 65, стр. 23

